

Типология исторического дискурса

Миньяр-Белоручева А.П.

доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.
kafedra241@mail.ru

В статье рассматривается типология исторического дискурса, который долгое время находился на периферии дискурсологии. Исторический дискурс неоднороден по своим типологическим характеристикам, многомерен и вариативен.

Ключевые слова: исторический дискурс, типология, когнитивно-дискурсивная парадигма, тематически связанные тексты, концептуальное пространство..

Для цитаты:

Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Т. 2. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2015020202

For citation:

Minyar-Beloroucheva A.P. Typology of historical discourse [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst langpsy.ru* [Language and Text langpsy.ru], 2015, vol. 2, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n2/Minyar-Beloroucheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2015020202

Всемирная история человечества запечатлена не только в памятниках материальной культуры, но и в дошедших до нас текстах, которые являются важнейшим способом хранения и передачи знания человечества. Во второй половине XX века рамки структурализма ограничивали изучение текста. Искусственно установленные каноны анализа текста не позволяли рассмотреть эту линейную структуру, в которой содержалась «бездна пространства», во всем ее нелинейном многообразии. Решение многих проблем оказалось возможным благодаря дискурсу.

Понятие «дискурс» не является новым, оно восходит к Древнегреческой философии, встречается в трудах Томаса Гоббса и Джона Локка, но как парадигмальное явление было осознано только в XX веке, чему не в малой степени способствовал лингвистический поворот. Понятие “discourse analysis” – «анализ дискурса» впервые введенное в 1928 году Лео Шпитцером в его произведении "Stilstudien" [21], было актуализировано в 1952 году в работе Зеллига Харриса «Дискурс анализ» [18].

Однако только после выхода в свет в 1969 году книги Мишеля Поля Фуко «Археология знания» произошло осознание значимости дискурса и началось его всестороннее изучение. Этому в немалой степени способствовало развитие теории коммуникации, социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики. Текст, расширенный до дискурса, стали воспринимать как логическое продолжение «функционально и коммуникативно-ориентированного изучения языка, у истоков которого стоят, с одной стороны, Ф. де Соссюр с его теорией антиномии языка и речи, а с другой, Пражский лингвистический кружок, сделавший центральным предметом своих наблюдений функционирование языка как

действующей в неразрывной связи с его носителем-человеком и открытой коммуникативным обстоятельствам системы» [4, с.5].

Взаимосвязь текста и дискурса – чрезвычайно сложна и до сих пор занимает ведущее место в дискурсологии. Впервые черту между текстом и дискурсом попытались обозначить Т. А. ван Дейк и В. Кинч, подходя к тексту как к абстрактной грамматической структуре произнесенного, а к дискурсу – как к сложному единству языковой формы, значения и действия, соответствующему понятию коммуникативное событие [5, с.46]. В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных разграничению текста и дискурса. Текст и дискурс в основном не противопоставляют, а сопоставляют в силу их взаимодействия и взаимосвязи. Корреляцию между текстом и дискурсом стремятся установить с позиций соотношений определяемого и определяющего Ф. де Соссюра. Текст рассматривается как знак, существующий в рамках дискурса и составляющих с ним единое целое [16, р. 97-98].

В классическом определении текст характеризуется как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [8, с.507]. Текст не следует заменять или вытеснять дискурсом, поскольку он, как подчеркивал М.М. Бахтин, «является той непосредственной действительностью <...>, из которой только и <может> исходить <... ..> мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [2]. В данном определении подчеркивается значимость текста как реально существующего, иерархически структурированного материального образования, созданного посредством единиц языка, который на протяжении ряда лет подвергался исследованию с точки зрения лексики, грамматики, синтаксиса с целью установления законов соединения слов в словосочетания, фразы, предложения и в сферхфразовое единство. В результате исследования текстов на поверхностном уровне устанавливались закономерности его связности и цельности. Одновременно делались попытки раскрыть природу создания и воспроизводства текста как коммуникативного единства, как знака, включенного в систему дискурса.

Анализ дискурса как самостоятельного направления связан с Мишелем Фуко, который считал, что «дискурс, созданный последовательностью знаков, составляющих высказывание, представляет собой совокупность высказываний, которые подчиняются одной и той же системе формирования и зависят от одной и той же дискурсивной формации [13, с.208]. Сложно не согласиться с данным определением дискурса. К хрестоматийным относится определение Н.Д. Арутюновой, данное дискурсу как связному тексту в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, как тексту, взятому в понятийном аспекте; речи, рассматриваемой как целенаправленное социальное действие, как компоненту, участвующему во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах) [1, с.136-137].

Дефиниция, данная Г. Уиддоусоном, считавшего, что дискурс – это «текст плюс ситуация», а текст – это «дискурс минус ситуация» [22], позволяет рассматривать взаимодействующие понятия «мира духовного и мира материального» [11] как единое целое. В этом материально-ментальном синтезе, текст воплощает материальную субстанцию, дискурс олицетворяет ментальную ипостась, «возможный (альтернативный) мир» [12, с.44-45], амбивалентное единство которых создает гармонию реальности и виртуальности. Несмотря на то, что текст и дискурс имеют разное происхождение, первый – лингвистическое, второй – социальное, они взаимообусловлены и репрезентируют друг друга [20, р.184].

Границы текста, характеризующегося графической статикой, как правило, четко определены, границы дискурса, отличающегося динамикой, размыты, нечетки и постоянно изменяются. С такой позицией можно не согласиться, заявив о динамике текста, но динамика

текста, образы и мысли, порожденные им, собственно говоря, и есть дискурс. Динамику дискурса обуславливает восприятие текста, которое изменяется вследствие экстралингвистических обстоятельств, характерных не только для эпохи его создания, но и времени его прочтения. Образы и мысли, порожденные текстом, создают виртуальный мир – дискурс, который шире и глубже текста. Это приводит к необходимости рассмотрения дихотомии текст-дискурс в узком и широком смысле, выявления их родо-видовых отношений, в которых дискурсу отводится место родового термина, а тексту – видовое [3].

Текст, будучи вербальным выражением незначительной части дискурса, в свою очередь, порождает новый дискурс, который для каждого индивидуума является уникальным. Когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет подходить к тексту как к совокупности воспроизводимых вербальных знаков в единстве формы и содержания, функционирующих в рамках дискурса. Причем единое концептуальное пространство, которое рассматривается как дискурс, образуется как отдельным текстом, так и рядом тематически связанных текстов, порождающих ментальные образы, образующие определенное информационное поле [17], семантика которого позволяет постоянно расширять существующие границы дискурса, включая в него новые виды. Разнообразие дискурсов привело к необходимости разработать их типологию [14].

В XXI веке дискурс, порожденный текстом, формирует в сознании людей особый способ видения мира, заменяя реальный мир на виртуальный. Осознание того, что информация, содержащаяся в тексте, образует дискурс, способствовало созданию текстов, а, следовательно, и дискурса, в котором доминировала *Miracle Reality*, приводящая к дисгармонии между реальным миром и виртуальным, сконструированным посредством языка. Дискурс, стирая границы между реальностью и виртуальностью, позволяет создать некий иллюзорный мир ‘of smoke and mirrors’, в котором господствует стратегия искажения истины, позволяющая манипулировать сознанием масс.

Наиболее отчетливо это проявляется при анализе исторического дискурса, являющегося по сути дискурсом историка. Исторический дискурс, выделенный и описанный М. Фуко [13], неоднороден по своим типологическим характеристикам. Он многомерен, полифункционален, вариативен и соотнесен с текущей политикой, которая обуславливает интерпретацию событий прошлого. Политика посредством целенаправленного моделирования исторической реальности воздействует на массового адресата с целью решения конкретных задач современности, при этом следует учитывать, что, как правило, история пишется и переписывается победителями, которые никому более не позволяют вторгаться в эту область, интерпретируя исторические события с удобных им позиций. Ярким примером этому служит образ короля Ричарда III.

Исследование исторического дискурса относится к одному из наиболее сложных явлений, долгое время находившемуся на периферии дискурсологии. Повышенный интерес к историческому дискурсу совпал со сменой парадигм, вызвавшей новое отношение к истории. В отличие от модернизма, который, будучи обращенным в будущее, характеризовался антиисторичностью, отказывая истине в эволюции, постмодернизм, сменивший его в 1960х годах, допускал возможность постижения прошлого посредством интерпретации исторических источников и создания научных исторических текстов, имеющих завершенную форму в которых реконструировалась история человечества. Характерная особенность постмодернизма заключалась в установлении приоритета языка над жизненным опытом, что вызвало скептицизм относительно способности человека должным образом наблюдать и интерпретировать события, некогда происходившие в реальном мире. Новый подход к истории отличался от классического, господствовавшего со времен картезианства, согласно которому история «как бы <...> ни была интересна, поучительна и ценна для формирования

практического отношения к жизни, не могла притязать на истину, ибо события, описываемые ею, никогда не происходили так, как она их описывала» [6, с. 263]. Долгое время считалось, что «даже самые правдивые повествования, если они не извращают и не преувеличивают значение событий, чтобы сделать чтение более занимательным, по меньшей мере, почти всегда опускают самые низменные и менее значительные подробности, в силу чего все остальное представляется не таким, каково оно в действительности» [6, с. 263].

Подход апологетов постмодернизма, допускающих «множество интерпретаций и даже конфликт интерпретаций» [19, с.8], но не допускающих унификации истории, привел к абсолютизации информации, содержащейся в письменном тексте и множественности его толкований, поскольку не только разные историки, но и один и тот же, при обращении к одному и тому же источнику в разные периоды своей жизни, будет по-разному трактовать их.

Следует отметить, что исторический дискурс не является целостным континуумом, в нем можно выделить несколько типологических групп посредством классификации составляющих его текстов. Уникальность исторического дискурса заключается в том, что в его формировании участвуют несколько видов концептуально связанных текстов: первоисточники и созданные на их основе вторичные тексты, т.е. научно-исторические или художественные произведения. Подобное взаимоотношение первоисточников порождает сложный, полифункциональный, отличающийся многообразием, исторический дискурс. К первоисточникам, каждый из которых дискурсивен, относятся вербальные памятники, включающие летописи, мемуары, разнообразные документы: реестры, акты, уложения, статуты, постановления, а также газетные и журнальные статьи, памфлеты, листовки, художественные произведения; произведения философов и политиков разных эпох, запечатлевшие факты свершившихся событий, каталоги, списки вещей и сами вещи; объекты материальной культуры, составляющие искусственный ареал; визуальные памятники, охватывающие карты, схемы, картины, лубок, карикатуры, плакаты, фотографии, открытки, тиражную графику: гравюры, ксилографию, кинохроники, видеохроники, художественные фильмы. В первоисточниках отражается культура и идеология времени их создания. В первоисточниках, которые следует рассматривать с учетом контекста, содержится информация, не подлежащая изменению, что свидетельствует о статике как их основополагающем свойстве. Дискурс первоисточников обретает динамизм при их интерпретации.

Динамика присутствует в историческом дискурсе, субъективном виртуальном конструкте, созданном в сознании историка на основе имеющихся в его распоряжении первоисточников, который рассматривается как реальная и объективная картина прошлого, продолжающаяся в настоящем. Можно со всем основанием утверждать, что суть исторического дискурса, как ментального образования, выражена в следующем высказывании: «события истории не проходят перед взором историка. Они произошли до того, как он стал думать о них. Он должен воссоздать их в собственном сознании, сопережить тот внутренний опыт участвовавших в них людей, который он хочет понять... История не может стать научной до тех пор, пока историк не в состоянии воспроизвести в своем сознании мысли и переживания людей, о которых он рассказывает... Ценность фактам прошлого придает то обстоятельство, что ... они – наследники идей прошлого, которые историк с помощью исторического сознания делает своими идеями» [7, 94].

Исторический дискурс можно классифицировать на два основных вида: первичный исторический дискурс и вторичный исторический дискурс. Первичный исторический дискурс, со всем разнообразием источников его составляющих, в свою очередь, подвергается более детальному дроблению.

Вторичный исторический дискурс создается посредством составляющих его вторичных,

по отношению к первоисточникам, текстов, т.е. научно-исторических и художественных произведений, в которых эксплицитно и имплицитно прослеживаются не только первоисточники, но и их оценка [9]. Во вторичном историческом дискурсе присутствует историческое сознание исследователя или писателя, его восприятие и интерпретация событий прошлого, изложенных в первоисточниках. Вторичный исторический дискурс, классифицируется на научно-исторический и художественно-исторический, дифференцирующийся на прототипичный и индивидуально-авторский. Следует отметить, что научно-исторический дискурс, подразделяющийся на нарративный и аналитический, по сути, является индивидуально-авторским, в котором отражаются мыслительные процессы историка, его непосредственное сопереживание былым событиям. Вторичный исторический дискурс, обогащенный знанием прошлого, дополняется опытом самого историка. Вторичный исторический дискурс, как тип исторического дискурса, подразделяется на подтипы, отражающие жанры научно-исторических произведений.

В учебном историческом дискурсе, в зависимости от уровня изучения истории, присутствуют все виды текстов, составляющих исторический дискурс: исторические первоисточники, научные исторические тексты и художественные произведения, к которым, в последнее время, стали обращаются довольно часто для понимания и иллюстрации условий жизни конкретной исторической эпохи.

Исторический дискурс, порожденный первоисточником, динамичен и уникален для восприятия каждым историком. Полифоничность исторического дискурса детерминирована историческими источниками и спецификой восприятия содержащейся в них информации, которая интерпретируется в зависимости от мировоззрения историков, что находит соответствующее отражение во вторичных исторических текстах, которые, в свою очередь, создают ментальное пространство, в котором ключевыми оказываются позиции и взгляды историка, автора конкретного текста, его собственная картина восприятия исторического прошлого.

Исторический дискурс понимается неоднозначно. Так, Эрик Хобсбаум считал, что история уже сама по себе является дискурсом, что историю можно понять в том случае, если понять язык, на котором в каждую конкретно взятую эпоху люди говорили, думали и принимали решение. Историки, сторонники «лингвистического поворота», отмечал ученый, утверждают, что именно идеи и представления, выраженные в словах, функционировавших в определенный период исторического развития, могут объяснить причины событий, произошедших в прошлом. Вместо этого историки обращаются к языку эвфемизмов, к некоему оруэлловскому «новоязу», который сознательно уводит от реальных событий прошлого вследствие двусмысленности, приводящей к искажению исторической действительности [19, р.47]. Хобсбаумом подчеркивал, что только факты могут поставить все на свои места, а не бесконечная цепочка сменяющих друг друга слов.

К восприятию истории как дискурса многие историки пришли исходя из теории Фердинанда де Соссюра, заявившего, что язык функционирует в соответствии с собственными внутренними законами. Язык – это не окно в мир, но феномен, определяющий восприятие человеком мира. Не существует иного метода изучения истории, кроме интерпретации имеющихся в распоряжении историка вербальных источников, причем считается некорректным со стороны историка трактовать события прошлого с позиций своей эпохи, поскольку язык – это сложная система значений – многосоставной код, лексические единицы которого для каждой отдельно взятой целевой аудитории имеют свое значение. Это позволяет сделать вывод, что власть языка заключается в непреднамеренно передаваемом им значении. Анализ текста, при котором поверхностное исследование отходит на второй план, уступая глубинному, был обозначен Жаком Деррида как «деконструктивизм» [15], способствующий

концептуализации и типологизации исторического ландшафта.

В заключении следует сказать, что сложная типологическая структура исторического дискурса заслуживает отдельного исследования. Несомненно, анализ исторического дискурса не следует низводить до этимологического исследования слов. Представляется целесообразным подойти к историческому дискурсу как к ряду тематически связанных текстов, создающих единое «концептуальное пространство», в рамках которого следует изучить его типологию, подразделяющуюся на несколько видов и подвидов, каждый из которых дробится на составляющие их более мелкие подгруппы. В историческом дискурсе, воздействующем на ум и чувства реципиента, соединились наука и искусство, что осложняет проведение его типологизации.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс/ Н. Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ [гл. ред. В. Н. Ярцева]; 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
2. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа/ М. М. Бахтин. Электронный ресурс: <http://www.lingvotech.com/baxtin>
3. Богданов, В.В. Текст и текстовое общение/ В.В.Богданов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – 67 с.)
4. Гончарова, Е.А., Шишкина, И.П. Интерпретация текста: Немецкий язык/ Е.А. Гончарова, И.П.Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
5. Дейк, Т. А. ван, Кинч, В. Стратегии понимания связного текста/ Т. А. ван Дейк, В. Кинч// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – 318 с.
6. Декарт, Р. Рассуждение о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках / Р. Декарт // Избранные произведения. Соч. в 2-х томах. Т.1. – М.: Госполитиздат. 1950. – 342 с.
7. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории / Р. Дж. Коллингвуд. М.: Наука, 1980. – 485 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.И. Ярцева. – М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 2002. – 709 с.
9. Миньяр-Белоручева, А.П. Оценка в историческом дискурсе / А.П. Миньяр-Белоручева / Современная коммуникативистика. Том 3, № 3, с. 7-11.
10. Рикер, П. Герменевтика. Эстетика. Политика: Московские лекции и интервью: пер. с фр. / П. Рикер. – М.: Республика, 1995. – 160 с.
11. Складаров, А. Основы физики духа/ А. Складаров. Электронный ресурс: <http://www.lah.ru/text/sklyarov/glava05.htm>.
12. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности / Ю.С. Степанов. // Язык и наука конца XX века. М.: Прогресс, 1995. С. 35-73.
13. Фуко, М. Археология знания/ М. Фуко. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

14. *Хомутова, Т.Н.* Типология дискурса: интегральный подход/ Т.Н.Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. Том 11, № 2. С. 14-20.
15. *Derrida, J.* Of Grammatology, trans. Gayatri Chakravorty Spivak / J. Derrida. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 1976. – 158 p.
16. *Fairclough F.* Critical discourse analysis: the critical study of language. – London: Longman Group Limited, 1995. – 265 p.
17. *Fauconnier, G., Turner, M.* Mental spaces: conceptual integration networks/ G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraets. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303-371.
18. *Harris, Z.* Discourse Analysis/ Z. Harris // Language. – Vol. 28. – 1952.
19. *Hobabawm E.* Globalisation, Democracy and Terrorism. – Londin: Abacus, 2008.– 184 p.
20. *Kress, G.* Against arbitrariness: the social production of the sign as a foundational issue in critical discourse analysis/ G. Kress // Discourse and Society. – № 4 (2), 1993. – P. 169-191.
21. *Spitzer, L.* Stilstudien / L. Spitzer. – München: M. Hueber, 1928. Bd. 1. – 295 s. Bd. 2. – 592 s.
22. *Widdowson, H.G.* Discourse Analysis/ H.G. Widdowson. – Oxford: Oxford Introduction to Language Study ELT, 2007. – 152 p.

Typology of historical discourse

Minyar-Beloroucheva A.P.,

Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
kafedra241@mail.ru

The article deals with the typology of historical discourse, which has been on the periphery of discourse analysis. The investigation has shown that historical discourse is typologically heterogeneous, multidimensional and variable.

Keywords: historical discourse, typology, cognitive-discursive paradigm, thematically connected texts, conceptual space.

References

1. *Arutyunova, N.D.* Diskurs [Discourse]/ N. D. Arutyunova // Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' / [gl. red. V. N. Yartseva]; 2-e izd. – M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. – 685 p.
2. *Bakhtin, M.M.* Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. The experience of philosophical analysis]/ M. M. Bakhtin. Elektronnyy resurs: <http://www.lingvotech.com/baxtin>
3. *Bogdanov, V.V.* Tekst i tekstovoe obshchenie [Text and text communication]/ V.V.Bogdanov. – SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1993. – 67 p.
4. *Goncharova, E.A., Shishkina I.P.,* Interpretatsiya teksta: Nemetskiy yazyk [Text-interpretation: the German language]/ E.A. Goncharova, I.P.Shishkina. – M.: Vysshaya shkola, 2005. – 367 p.
5. *Dijk T.A. van, Kinch V.* Strategii ponimaniya svyaznogo teksta [Comprehension strategies of connected text]/ T. A. van Deyk, V. Kinch// Novee v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. – M.: Progress, 1988. – 318 p.
6. *Descartes, R.* Rassuzhdenie o metode dlya khoroshego napravleniya razuma i otyskaniya istiny v naukakh [Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences]/ R. Dekart // Izbrannye proizvedeniya. Soch. v 2-kh tomakh. T.1. – M.: Gospolitizdat. 1950. – 342 p.
7. *Collingwood, R.G.* Idea of history / R.G. Collingwood. M.: Nauka, 1980. – 485 p.
8. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic Dictionary of Linguistics]/ Pod red. V.I. Yartseva. – M.: Nauchnoe izd-vo «Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya», 2002. – 709 p.
9. *Minyar-Beloruicheva A.P.* Otsenka v istoricheskom diskurse [Assesment in historical

discourse] / A.P. Minyar-Beloroucheva / *Sovremennaya kommunikativistika*. Tom 3, № 3, pp. 7-11.

10. *Ricoeur, P.* Hermenevtika. Estetika. Politika: Moskovskie lektsii i interv'yu: per. s fr. [Hermeneutics. Aesthetics. Policy: Moscow lectures and interviews: trans. from French]/ P. Riker. – M.: Respublika, 1995. – 160 p.

11. *Sklyarov, A.* Osnovy fiziki dukha [The Physics of Spirit]/ A. Sklyarov. Elektronnyy resurs: <http://www.lah.ru/text/sklyarov/glava05.htm>.

12. *Stepanov, Yu.S.* Al'ternativnyy mir, diskurs, fakt i printsipy prichinnosti [Alternate world, discourse, fact and the principles of causality]/ Yu.S. Stepanov. // *Yazyk i nauka kontsa XX veka*. M.: Progress, 1995. pp. 35-73.

13. *Foucault, M.* Arkheologiya znaniya [The Archaeology of Knowledge]/ M. Fuko. – Kiev: Nika-Tsentr, 1996. – 208 p.

14. *Khomutova, T.N.* Tipologiya diskursa: integral'nyy podkhod [Typology of discourse: an integrated approach]/ T.N.Khomutova // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya Lingvichtika. Tom 11, № 2. S. 14-20.

15. *Derrida, J.* Of Grammatology, trans. Gayatri Chakravorty Spivak / J. Derrida. – Baltimore: The John Hopkins University Press, 1976. – 158 p.

16. *Fairclough F.* Critical discourse analysis: the critical study of language. – London: Longman Group Limited, 1995. – 265 p.

17. *Fauconnier, G., Turner, M.* Mental spaces: conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive linguistics: basic readings* / edited by Dirk Geeraets. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. pp. 303-371.

18. *Harris, Z.* Discourse Analysis / Z. Harris // *Language*. – Vol. 28. – 1952.

19. *Hobabawm E.* Globalisation, Democracy and Terrorism. – Londin: Abacus, 2008.– 184 p.

20. *Kress G.* Against arbitrariness: the social production of the sign as a foundational issue in critical discourse analysis/ G. Kress // *Discourse and Society*. – № 4 (2), 1993. – pp. 169-191.

21. *Spitzer, L.* Stilstudien / L. Spitzer. – München: M. Hueber, 1928. Bd. 1. – 295 s. Bd. 2. – 592 p.

22. *Widdowson H.G.* Discourse Analysis/ H.G. Widdowson. – Oxford: Oxford Introduction to Language Study ELT, 2007. – 152 p.